

УДК: 159.954.5

Сидоров А. М.

к.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ВООБРАЖЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ (Ш.ФУРЬЕ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ)

Статья посвящена утопической философии Шарля Фурье и ее интерпретациям в современной мысли. Учение Фурье является одним из вариантов романтической реакции на становление капиталистического порядка в западном мире. Романтики противопоставляли отчуждению и атомизации общества, распространявшимся в мире модерна под влиянием капитализма, силу воображения, способную творчески преобразить мир и восстановить утраченные человеческие ценности.

Ключевые слова: воображение, реальность, модерн, капитализм, романтизм, желание, эстетика.

Sidorov A. M.

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University

IMAGINATION AND REALITY (CH.FOURIER AND MODERN PHILOSOPHY)

This article is devoted to the utopian philosophy of Charles Fourier and its interpretations in modern thought. Doctrine of Fourier is one of the variants of romantic reaction on the becoming of capitalist order in West world. Romantics contrasted to alienation and atomization of society, spreading in modern world under the influence of capitalism, power of imagination, that capable to creatively transform the reality and restore lost human values.

Key words: imagination, reality, modern, capitalism, romanticism, desire, aesthetics.

Европейский социализм, и социализм Фурье в частности, является изобретением романтического века, века революции, но также и реакции во всех сферах западной культуры. Этот век отмечен появлением всеобщего избирательного права, свободой прессы, отделением церкви от государства, эмансипацией женщин, отменой рабства и смертной казни, демократизацией судебной системы и образования и многими другими реформаторскими начинаниями, которые были осуществлены или до сих пор осуществляются. Но это также и век Реставрации, социального дарвинизма, колониализма, капиталистической эксплуатации. Кроме того, этот век – не просто временной отрезок, который остался в прошлом. Романтический век породил романтическое мировоззрение, влияние которого сохраняется до сих пор. Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси в книге «Литературный абсолют», посвященной этому мировоззрению, утверждают, что мы до сих пор живем в «романтической современности». Как мировоззрение, романтизм имеет несколько существенных характеристик, которые оказывают влияние на более поздние художественные и идейные течения, такие как, например, сюрреализм или экология. Но среди этих характеристик есть одна, на которой следует особо остановиться перед началом разговора о социализме Фурье – это анти-капитализм. Романтизм является как бы двойником капитализма, и продолжает говорить с нами потому, что кризис цивилизации, связанный с рождением и развитием индустриального капитализма далек от завершения. Романтическое мировоззрение зарождается в середине XVIII века и не исчезает до сих пор. Романтизм возник как реакция на фундаментальные социально-экономические изменения европейского общества, вызванные развитием капитализма, которые были увидены, прежде всего, с

негативной стороны – как феномены, названные Георгом Лукачем, одним из великих наследников романтизма, в книге «История и классовое сознание» *социальной фрагментацией* и «овеществлением» (дегуманизацией человеческой жизни, превращением отношений между людьми в отношения между вещами). Романтики полагали, что общество, основанное на деньгах и конкуренции, распадается на эгоистические монады, враждебные или равнодушные друг к другу. Следовательно, в романтизме представлен широкий спектр ответов – от консервативных до революционных – на эту отчуждающую фрагментацию. В различных вариантах романтических ответов на проблему «расколотого модерна» предлагается вернуть индивида в сообщество - либо традиционное, восстановленное, либо новое, учрежденное. Утрата общности констатируется во всех романтических политических теориях и преобразуется в общее болезненное переживание утраты человечности, убеждение в том, что сегодняшней реальности недостает сущностных человеческих ценностей, что человек и общество стали «отчужденными». При этом, конечно, важно не забывать, что романтизм – это *модернистская* критика модерна, и сформирована она своим временем. Романтизм – это не взгляд на модерн откуда-то из-за его пределов, имеющий какие-то иные основания. Нет, романтизм – это самокритика модерна.

Учение Фурье предлагает решение главных социально-экзистенциальных проблем современности: социальная фрагментация должна быть исцелена фаланстерами, а индивидуальное отчуждение - освобождением желаний. Согласно Фурье, мир пребывает в испорченном состоянии не только с социальной, но и с космической точки зрения. Он обвинял высокомерие философов и шарлатанство священников за систематическое подавление страстей, которое привело к тому, что человечество на 2500 тысячи лет завязло в извращенной цивилизации. Осознав эту универсальность страданий, Фурье возвещает триумфальное пришествие гармоничного космического порядка, основанного на Страстном влечении – изначальной вездесущей силе, способной создавать социальные серии. В соответствии с этим порядком, правление должно соотносываться со страстями, поскольку они являются сущностной основой человека и сообщества. «*Внутренняя игра*: каждый хотел бы установить в игре своих страстей такое равновесие, чтобы порыв одной благоприятствовал порыву всех других; чтобы честолюбие, любовь влекли только к полезным связям, а отнюдь не к надувательству; чтобы тревоги способствовали улучшению здоровья, а не надрывали его; наконец, чтобы, отдаваясь слепо страстям, идти путем богатства и здоровья. Это равновесие, основанное на стихийной отдаче себя во власть природы, даровано животным и недостижимо для человека цивилизованного, варвара и дикаря. Страсть приводит животное к благу, а человека к гибели. Недаром человек в нынешнем строе находится в состоянии войны с самим собой. Его страсти сталкиваются: честолюбие мешает любви, отцовская любовь — дружеской, и так относительно каждой из двенадцати страстей. Отсюда рождается наука, называемая моралью, которая стремится эти страсти обуздать. Но обуздать — не значит механизировать, гармонизовать. Задача заключается в том, чтобы достигнуть самопроизвольного механизма страстей, не глуша ни одной из них. Бог был бы нелепым, если бы он дал нашей душе способности бесполезные или вредные» [4, с. 57]. Подавление страстей приводит к появлению таких лицемерных социальных институтов как брак и нуклеарная семья, от которых женщины, по мнению Фурье, непременно должны быть освобождены, ведь согласно прото-феминистскому взгляду Фурье, мерой социального счастья является степень независимости женщины. В будущем обществе Гармонии коллективная жизнь будет складываться из коммун, называемых фаланстерами и основанных на совместной чувственности и труде. Согласно теории Фурье, каждый фаланстер будет включать 1620 человек – по одному мужчине и одной женщине каждого из 810 темпераментов, распознанных Фурье. Эта комбинация позволит обеспечить бесконечные социальные, эстетические и сексуальные контакты, воспроизводящие равновесие человечества. Люди работают для получения собственного удовольствия, поскольку существуют влечения к любым видам деятельности, даже кажущимся другим

тяжелыми или отвратительными. Так, например, «среди детей, примерно, две трети мальчиков имеют склонность к нечистоплотности; они любят валяться в грязи и играть грязными вещами...» [4, с. 198]. Из таких детей должны формироваться отряды мусорщиков, так чтобы их склонность нашла полезное применение. Поэтому в фаланстере, как заметил Бенъямин, нравственность – то есть, принуждение – становится излишней. Все работы выполняются на основе естественных склонностей, каждый в течение дня может принимать участие в разнообразных «страстных сериях», и общество спонтанно будет воспроизводить себя, не нуждаясь в политической организации. Но при этом в фаланстерах даже занятия, приносящие удовольствия должны вознаграждаться в соответствии с затраченным трудом и средствами, и принесенной пользой: хотя различия между богатыми и бедными не имеют значения, когда каждый может получить все необходимое из коммунальных хранилищ, частная собственность и неравенство, обеспечивающие индивидуальное разнообразие в образе жизни, в следовании своим склонностям в одежде, питании, домашней обстановке и т. п., будут сохранены. Р. Барт обращает внимание на то, что в фурьеристском мире, несмотря на то, что он называется Гармонией, речь не идет о единстве и примирении конфликтов, а о том, чтобы извлекать из различий удовольствие. «Цель Гармонии – не в том, чтобы защищаться от конфликтов (создавая ассоциации по подобию) либо уменьшать их (сублимируя, очищая или нормализуя страсти), либо даже преодолевать их («понимая» другого), но в том, чтобы эксплуатировать их ради наибольшего удовольствия для каждого и без ущерба для кого бы то ни было. И как же? *Играя с конфликтами...*» [1, с. 131-132]. Дети самоорганизуются в маленькие Орды и Банды, где они развивают друг друга и участвуют в повседневной жизни фаланстера. Социальные серии темпераментов, поколений, занятий, представляют собой организованные потоки страстных влечений, которые разнообразно действуют во всем коллективном теле и производят коммунальную эйфорию, постоянный социальный подъем. Знаменитая фраза Фурье, запечатленная на его надгробии, гласит: «Притяжения пропорциональны судьбам». Генитальная любовь уступает место видению самого общества как эрогенного пространства. Этим уже предвосхищается «Анти-Эдип», утверждение Делеза и Гваттари о том, что поскольку желание и сексуальность рассматриваются как производящие силы, они избегают включения в узкие рамки семьи, пары, личности, объекта. «...Желание в качестве своего объекта имеет не лица и вещи, а целиком те среды, через которые оно пробегает, вибрации и потоки произвольной природы... – всегда кочевое и мигрирующее желание, первой характеристикой которого является «гигантизм», что лучше всех показал Шарль Фурье» [2, с. 460]. В фаланстере все связаны не только разнообразным совместным трудом, но и множественными сексуальными связями, включающими гомосексуализм, полигамию и «омнигамию», а также всевозможные «мании». Гармония страстей, всегда находящих удовлетворение, приведет к генетическим, социальным и космическим усовершенствованиям. Через девять поколений человечество достигнет среднего роста в 7 футов и продолжительности жизни в 144 года. Во всех сферах жизни воцарится изобилие. Страсти являются божественным природным и социальным кодом, и согласно Фурье – в отличие от рассудочного сенсуализма эпохи Просвещения – им нужно дать полную свободу, для того, чтобы избавить от деформирующего влияния цивилизации. Теорию Фурье можно назвать сенсуалистическим экспрессивизмом. Добро – это активность, развитие, выражение. Бездействие – воплощение зла. У Фурье страсти – это активный принцип движения и наслаждения, в то время как рассудок и чувства являются пассивными и подчиненными сферами. Следовательно, вопреки тому, что всегда говорили моралисты, долг происходит из внутреннего источника, из самой экспрессивной природы человека и его божественного начала.

Утопия Фурье представляет «революционный» полюс проекта эстетики, показывая, как чувственность и воображение могут быть двигателями преобразования жизни. Неудивительно, что тот же Маркузе в работе «Эрос и цивилизация» отмечает, что «Фурье ближе, чем кто-либо из утопических социалистов, подошел к пониманию связи свободы с

нерепрессивной сублимацией», к созданию того, что можно было бы назвать романтической экспрессивной философией труда, который не отделен от наслаждения. «Преобразование труда в удовольствие является центральной идеей гигантской социалистической утопии Фурье... Возможность «привлекательного труда» проистекает, прежде всего, из высвобождения либидозных сил» [3, с. 225]. Хотя Маркузе обращает внимание и на вторую, «репрессивную» сторону «эстетизации политики» у Фурье – его увлечение идеями организации и администрирования. Именно об этом и шла речь выше. «Страсти» могут взорвать порядок, но с другой стороны, сам буржуазный порядок с полным правом можно назвать эстетизированным, ведь его окончательной связывающей силой в противоположность принудительности абсолютизма, должны стать чувства, привычки, убеждения. У Фурье эта двойственность также присутствует, но в XX веке воспринята была его революционизирующая сила, прежде всего, благодаря восхитительной свободе и «странности» его воображения и стиля, сама избыточность которых обладает эмансипирующим эффектом.

В XX веке фантазии Фурье вдохновляли тех, кто искал политической эмансипации в союзе с искусством и воображением. Так, сюрреалисты восхищались множеством причудливых идиосинкразий Фурье, которые, тем не менее, не являются исключительно приватными, но демонстрируют политическое значение воображения, ниспровергающего мертвящие отчужденные условности и привычки. Основоположник сюрреализма Андре Бретон видел в сочинениях французского утописта родственные идеи и образы. «После войны Бретон обратился к работам Шарля Фурье, французского социалиста-утописта начала XIX века, как к пути для сюрреализма сохранять верность своим политическим взглядам. Фурье был во многих аспектах крайне эксцентричен: Бретон упоминал в своей «Антологии черного юмора», как Фурье «утверждал, что вишня есть продукт соития земли с самой собой, а виноград — земли с солнцем». Но Фурье был убежден, что цивилизация зиждется на подавлении «страстей», и основывал свою социальную теорию «фаланстеров» (коммун) на принципе «страстного притяжения». Неудивительно, что Бретон, не принимавший непреклонной проповеди коммунистической партии «труда», был привлечен идеей Фурье, что труд должен быть следствием «притяжения», когда каждый человек выполняет работу, к которой питает природную склонность: уборные в фаланстере, к примеру, чистили бы толпы детей, любящих грязь» [6, с. 201-202]. Сюрреалисты читали Фурье как вдохновенного писателя. С их точки зрения величайшим даром Фурье, оставленным истории, являются плоды его несравненного воображения, которое при этом при этом проникнуто глубоким пониманием социализации человека. Привычка ведет к фатализму, к вере в то, что вещи никогда не меняются. Но воображение Фурье атакует фатализм в самых неожиданных местах, заставляя посреди компромиссных «удовольствий», предоставляемых привычной «реальностью», мечтать о наслаждении. Воображение, обычно осуждаемое философами (так, Паскаль называл его «госпожой обмана и заблуждения») становится у романтиков высшей формой субъективной креативности, а значит и истины, поскольку романтизм впервые в секулярную эпоху осмыслил субъективный жест утверждения истины, отличной от объективного знания. Романтический проект – это сопротивление философского, поэтического и политического воображения давлению современных Фурье, как и сюрреалисты, полагал, что два состояния, находящиеся ниже и выше привычного бодрствования – сон и состояние, называемое Фурье «сверхсложным или потусторонним», открывающим иные измерения реальности – «согласно правилу контакта крайностей» должны соприкоснуться друг с другом [4, с. 424]. Бретон обращает внимание на неожиданные избыточные детали, которые внезапно вызывают острую тоску по необыденному, по «празднику», который является высшим проявлением неотчужденной социальности. Вот как суммирует «странности» Фурье Роберт Хайлбронер, известный американский экономист и социолог: «Шарль Фурье, говоря деликатно, был эксцентриком. Если называть вещи своими именами, он совсем съехал с катушек. Этот человек жил в мире собственных фантазий:

считал, что нашей планете отпущено 80 тысяч лет жизни, 40 тысяч лет подъёма и столько же - упадка. Посередине (забудем об арифметике) лежали 8 тысяч лет Апогея Счастья. По Фурье, мы живём в пятой из восьми стадий подъёма, продравшись сквозь Смятение, Дикарство, Патриархальность и Варварство. Впереди лежали эпохи Гарантированности (недурное пророчество) и Гармонии. Но стоит нам достичь высшей точки, как ветер переменится, и человечество начнет нисхождение – обратно, через недавно пройденные стадии. Впрочем, во время нашего продвижения вперёд по эпохе Гармонии всё и правда начнёт меняться: над полюсом появится Северная Корона – она станет нагревать полюс и выжмет из него мягкую росу, океан наполнится лимонадом, шесть новых лун заменят прежнее светило. Возникнут новые виды животных, куда лучше приспособленных к жизни в Гармонии: антилев, спокойная и крайне услужливая тварь, антикит, который станет вести корабли, а также антимедведь, антижуки и антикрысы. Продолжительность человеческой жизни составит сто сорок четыре года, причём первые сто двадцать лет будут посвящены исключительно утолению потребности в сексе. Всё это плюс точнейшие описания обитателей других планет позволяет считать Фурье сумасшедшим. Возможно, он и был таковым. Но в современном ему мире этот чудак видел не только ужас и лишения, но и указания на способ полной реорганизации общества» [5, с. 154]. Кроме того, с точки зрения Бретона, Фурье покончил с христианским дуализмом и объединил радости тела с радостями духа, что означало детрансцендентализацию христианской любви и превращение ее в физическую. Счастье определяется Фурье как обладание множеством страстей и таким количеством средств для их удовлетворения, как только возможно. Это привело его к оппозиции по отношению к «рациональным институтам» и «интеллектуалам» и осуждению мельчайших деталей современного ему социального устройства с точки зрения их фрустрирующего характера. Следовательно, Фурье обладал всеми чертами величайшего сюрреалиста всех времен. Он остро ощущал необходимость фундаментальных перемен и исправления дефектов в существующем обществе, нуждающемся в «перманентной революции», но революции не политической, а более глубокой - трансформации всех форм жизни и чувствования, в направлении, которое открывало ему его несравненное воображение. Он также утверждал, что желания и любовь являются единственным божественным импульсом в мире, не имеющем трансцендентного высшего Бытия.

Очевидно, что теорию Фурье невозможно принимать всерьез, но в этом-то и заключается ее притягательность. Да, она смешна, но *слишком*. Сила его текста со всеми его трансгрессивными странностями направлена против духа серьезности. Барт увидел в теории Фурье чрезмерность, причем не только в содержании, во всех его фантастических прожектах, но и в самой языковой энергии, «опрокидывающей дискурс в письмо», в трансгрессивное движение против всех очевидностей и норм. «Невозможно найти более счастливый дискурс» [1, с. 120], заметил Барт, поскольку он не только описывает радикально гедонистический мир, основанный на эксцессах и защите всего, как писал сам Фурье, что называется пороком, но и сам построен на эксцентричных отклонениях, в которых только и можно найти проблески счастья как близости к невозможному. Счастливый дискурс Фурье включает в себя также систематизацию и рецепты практического применения плодов его радикального воображения. Истина теории заключается в том, чтобы помочь человечеству избавиться от страданий, нищеты, невежества. Такой подход отвергает ранжирование моральных ценностей в соответствии с априорными критериями в пользу признания равной значимости поиска каждой индивидуальностью собственных путей к счастью и удовольствию. Фурье провозглашает многообразие честолюбий, страстей и влечений. По его словам, необходимо оценить прелести контраста и соревнования на уровне индивидов и социальных серий. Трудовые армии будут бродить по новому миру и устраивать эстетические сражения вокруг крупномасштабных инженерных проектов, приготовления самых вкусных пирогов или постановки самых впечатляющих опер. Таким образом, порядок перманентно поддерживается за счет разнообразия и сложности, а не за счет патологизации других и

принуждения. В свое время Шиллер говорил, что высшая форма существования будет достигнута тогда, когда человек сможет перейти от «принуждения необходимости» к «побуждению избытка». Этот избыток уже и в природе проявляется в «эстетической прибавке», в форме, которая «распространяет наслаждение за пределы всякой потребности». Этот избыток и есть свобода, и проблески свободы мы, следовательно, можем видеть уже в темной животной жизни: «когда льва не терзает голод и хищник не вызывает его на бой, тогда неиспользованная сила сама делает из себя свой объект: могучим ревом наполняет лев звонкую пустыню, и роскошная сила наслаждается бесцельным расходом себя» [7, с. 350-351]. Но только в человеческом воображении эта свободная игра избыточных сил, переходящая в эстетические формы, достигает высшей степени. Так вот, тексты Фурье не просто изображают утопию «светлого будущего» – они сами воплощают это невозможное избыточное счастье в своих излишествах и идиосинкразиях, то есть, *дают пример* утопического существования.

Литература

1. Барт, Р. Сад, Фурье, Лойола / Р. Барт. – М. : Культурная политика, 2007. – 256 с.
2. Делез, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург, 2008. – 672 с.
3. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
4. Фурье, Ш. Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях / Ш. Фурье. – Избранные сочинения в 3-х томах. Т. 2. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 469 с.
5. Хайлбронер, Р. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители : их жизнь, эпоха и идеи / Р. Хайлбронер. – М. : КоЛибри, 2008. – 431 с.
6. Хопкинс, Д. Дадаизм и сюрреализм. Краткое введение / Д. Хопкинс. – М. : АСТ, 2009. – 224 с.
7. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Ф. Шиллер. – Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 794 с.